

ОБРАЗ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ПОВЕСТЯХ Н. С. КОХАНОВСКОЙ

Н. С. Кохановская относится к когорте тех писателей, с именами которых связана одна из наименее изученных страниц в истории русской литературы. Собирательница фольклора, талантливый публицист, драматург, она создала повести, в которых стремилась защитить нормы христианской морали, привить своим читателям высокие нравственные идеалы.

К ее творчеству обращались В. И. Кулешов [5], К. Н. Ломунов [4], В. В. Кожин [6], П. Горелов [7] и др. Акцентируя внимание, как правило, на фактах биографии писательницы, на особенностях мировоззрения, они лишь вскользь касаются идейно-художественного своеобразия ее произведений. Многие аспекты творчества Кохановской, в том числе и проблема роли повествователя в повестях, остаются не исследованными.

Таким образом, **актуальность данной статьи** определяется необходимостью осмысления роли повествователя в художественном произведении.

Перспективы исследования. Дальнейшее изучение данной проблемы позволит выявить в художественном тексте различные типы повествователя, определить пути реализации авторской позиции в произведении.

Цели данной статьи – проследить роль повествователя в произведениях Н. С. Кохановской, выявить типологию его характера.

Повествователь выполняет важную идейно-эстетическую функцию в повестях Кохановской: ведет дружеские беседы с героями, сочувствует им или осуждает их поведение, восхищается или негодует, раскрывает истории человеческих судеб или передает историю собственной семьи.

В повестях Кохановской можно выделить три типа рассказчика: повествователь – непосредственный участник событий; повествователь-созерцатель; автор-повествователь (автобиографический герой-повествователь).

Так, в повести «После обеда в гостях» повествователь – непосредственный участник событий. По некоторым деталям, намекам можно догадаться, что это – молодая девушка («Это вы нынче стали такая <...> манерная, молодая барышни<...> [3, 7], – обращается к ней собеседница), принадлежащая к знатному, но обедневшему дворянскому роду: она хорошо воспитана, владеет «достаточным чувством приличия» [3, 4], недурно одета (на ней «славная кисейка») [3, 5], ее в качестве гостьи принимают в доме предводителя дворянства – но, как и другую гостью, Любовь Архиповну, – с надменностью, достаточною *любезностью* [курсив наш – Н.Л.] усаживают в зале отдельно от прочих гостей. Она не имела *нрава* [курсив наш – Н.Л.] вмешиваться в беседу, которую вели собравшиеся в зале гости. Так же, как и «странная помещица», она ощущает разницу между собой и чопорным обществом, собравшимся за чаепитием.

Как тонкий психолог, писательница передает не только настроение рассказчицы, но и все оттенки этого настроения, показывает, как меняется ее отношение к собеседнице Любви Архиповне, чья история легла в основу сюжета произведения.

Так, в начале произведения повествователь обращает внимание на внешний вид дворянки, не соответствовавший царившей в доме *предводителя* [курсив наш – Н.Л.] атмосфере, которая должна вызывать улыбку: «простенький чепчик», «короткое шелковое платье», имевшее «серо-немецкий отлив». Любовь Архиповна по-разному воспринимается собравшимся обществом и повествователем. Повествователь явно на стороне бедной дворянки. Это подчеркивается с помощью такой детали: гостью *не замечали* [курсив наш – Н.Л.]. Но повествователь отмечает в ней и «загорелый цвет лица», и «нехоленые руки», акцентирует внимание на «подурных» чертах лица, на движении мышц лица: «Губы у нее слегка переминались <...> [3, 3] – признак душевного смятения, желания высказаться, И только рассказчица выступает в качестве внимательной, умной собеседницы. Вначале она воспринимает историю Любви Архиповны с *миленькой улыбкой* [курсив наш – Н.Л.]. Молодой барышне, получившей «приличное» воспитание становится *весело* [курсив наш – Н.Л.] от признания, что «свет белый на том стоит, что жены мужьями мудрят, ох, мудрят!» [3, 4]. Она смеется от души, все больше увлекаясь рассказами о плутнях собеседницы, *обижается* [курсив наш – Н.Л.], когда на вопрос получает шуточный, уклончивый ответ. Однако постепенно веселье сменяется грустью, когда исповедь Любви Архиповны обретает трагический оттенок. «Милая» – слово, с которым теперь обращается рассказчица к Любви Архиповне. Услышав рассказ о деспотизме матери, требующей выйти замуж за нелюбимого человека, она восклицает: «Любовь Архиповна! да у сердца-то свой колокол, и он звонит без батюшки и без матушки!» [3, 13]. Она уже по-другому, без иронии и насмешки, смотрит на свою собеседницу. Любопытство – импульс к более вдумчивому восприятию исповеди героини: «Говорите же мне ваше горе сполна, как оно томило вас. Я хочу узнать всю цену той светлой, тихой радости, которую Господь благословляет нас» [3, 40], – обращается девушка к Любви Архиповне. История Любви Архиповны все более захватывает рассказчицу, и молодая барышня из слушательницы превращается в человека, сопереживающего те же боль, горе, страдания. Не случайно она свои душевные переживания сравнивает с чувствами молодого солдата на войне, который «<...> смотрит на изувеченного воина и слушает его рассказы о неслыханных битвах» [3, 44].

От легкой насмешки до потрясения, искренней симпатии – такова динамика чувств и мыслей повествователя. Пережив мысленно историю жизни Любви Архиповны, девушка-повествователь становится человечнее и мудрее. Повесть заканчивается признанием повествователя, имеющим глубокий смысл: «Я встала благодарить Любовь Архиповну; но впечатления

ее простого рассказа было так сильно, что я, кажется, не смела связать двух слов» [3, 64].

Иной тип повествователя представлен в повести «Гайка». В его образе сочетаются объективное и субъективное начала. С одной стороны, повествователь констатирует факты, наблюдая за событиями, которые происходят в жизни героев. С другой стороны, он напоминает повествователя из «Мертвых душ» Гоголя, который постоянно выражает свои мысли и чувства, комментирует поступки героев, дает им оценку. Следуя гоголевской традиции, писательница включает в произведение большое количество лирических отступлений, в которых ярко реализуется авторская позиция. Родина, природа, любовь, взаимоотношения между поколениями, сила человеческого разума – проблемы, поднимаемые в лирических отступлениях.

Лиризм характерен прежде всего для тех отступлений, в которых повествователь любит родным краем, красотой родного утра, когда солнечный свет озаряет комнату и, крадучись, преломляется в изумрудной сережке молоденькой девушки. Повествователь не скрывает своих чувств, подчеркивая, что *странно* [курсив наш – Н.Л.] было бы «живописать всякую мелочь», «<...> но не хорош ли был этот маленький крадущийся луч <...>» [2, 2].

Сквозь призму восприятия повествователя раскрываются герои повести. Так, Мила, скучая, *невесело* [курсив наш – Н.Л.] склонилась у окна.

Ссорясь, мать и дочь страдают от взаимонепонимания – и повествователь передает их состояние следующим образом: дочь *пугалась* [курсив наш – Н.Л.] упреков матери; в голосе матери «<...> слышались почти постоянные слезы» [2, 3].

Повествователь постоянно нарушает заданную автором логику объективного подхода к оценке героев: он огорчается, когда они попадают в неприглядные ситуации, радуется, когда они находят душевный покой и счастье.

Особенность повествователя в повести заключается в том, что он является своеобразным посредником между автором и читателем. «Мы», «вы» – местоимения во множественном числе, часто встречающиеся в произведении, символизируют духовное родство людей стремящихся к добру.

Повествователь постоянно приглашает читателя к наблюдению над природой, людьми:

«Но куда попали и *мы* [курсив наш – Н.Л.] по вольной воле нашего рассказа? <...>» [2, 4];

«<...> вот *вам* [курсив наш – Н.Л.] кутки, и вот Дубки <...>» [2, 5];

«<...> вся эта, по-видимому, так безучастно к *нам* [курсив наш – Н.Л.] и подвластно *нашей* [курсив наш – Н.Л.] руке, окружающая нас природа имеет неотразимое влияние на душу <...>» [2, 8].

Кохановская, таким образом, призывает читателя к сопереживанию. Она видит в нем друга, который, почувствовав красоту природы,

задумавшись о смысле человеческой жизни, обратившись к Богу, станет чище душой и будет стремиться к совершенствованию мира.

Яркий образец автора-повествователя (автобиографического героя-повествователя) представлен в «Автобиографии».

В произведении повествование ведется от первого лица, но семантика употребляемого «Я» различна. В одной ситуации «Я» называет пишущего, думающего в эту минуту повествователя, в другом – «Я» – это тот, о котором рассказывается.

Образ автора-повествователя в произведении возникает в результате самообъективации: с одной стороны, Кохановская выступает как активно действующий – мыслящий, вспоминающий, создающий текст – субъект, с другой стороны, именно он служит объектом описания: «Я с любовью записываю все эти мелкие впечатления» [1, 200]. Самообъективация особенно ярко проявляется в сравнениях, отражающих образные представления повествователя о себе самом, а также в контекстах, строящихся на переходах от формы 1-го лица к форме 3-го, отчуждающей «я» в прошлом: «Я ходила по институту, словно тень <...> вскоре я сильно заболела, после чего отношения ко мне резко изменились» [1, 15]. Интересен и до этого не был изучен тот факт, что созданные образы близких Кохановской людей не только определяют и восполняют ее «Я», но и содержат характеристику той или иной личности: «Я хочу рассказать вам о человеке, которого я любила»; «<...> она была человеком строгим, но справедливым» [1, 65, 98].

Разделение «Я» на «Я» в прошлом и «Я» в настоящем у Кохановской дополняется разграничением внутреннего и внешнего «Я», «Я» опытного и «Я» духовного. Характерная черта женского «Я» в версии Кохановской – это то, что оно рассказывается не как последовательная история становления и восхождения, где каждый следующий этап подготавливается предыдущим и преодолевает, поглощает его, а, скорее, как углубление, допускающее возвращения, повторы.

В повествовании встречаются также различные формы авторского отстранения, которые в тексте выражены следующим образом: видение себя «со стороны»

Повествовательная манера начинается имитацией сказа: «Мне надобно иметь эти слова перед глазами, чтобы до конца высказать вам, если это так угодно, мою простую безузорную сказку. Что эта сказка о человеке, и она истина» [1, 365]. В тексте присутствуют различные речевые периоды (абзацы) правильной синтаксической конструкции, которые включают в себя просторечные выражения: «<...> по отцовской линии» [1, 23]; «Молвили мне <...>» [1, 45].

Описание собственного «Я» при помощи сравнения: «Да она, просто ребенок. Ей не больше, как лет четырнадцать», – говорили. Мне было более, но маленькая, худенькая, скажу: черненькая, я и близко не подходила к кандидаткам в невесты. Меня везде принимали, как дитя: давали мне варенья, орехов и не заботились более» [1, 52]; «Если бы я была красавица –

хорошенькая; ну, уже так и быть! Но дочери их все были лучше меня – видные. Я такая непоказистая, что я делала им?» [1, 345].

Эти речевые периоды диктуют ритм восприятия произведения, создают особое впечатление об авторе произведения, что является актуальным для нас как исследователям творчества Н. С. Кохановской.

Итак, можно сделать вывод, что важнейшим компонентом внутренней организации в тексте является повествователь, то есть сама Кохановская, которая и обеспечивает внутреннюю целостность, характер повествования и изображения внутреннего мира.

Образ автора-повествователя в произведении раскрывается с помощью различных приемов психологического анализа, таких как:

акцент на внешнем поведении: «Что перенесла, что несет эта женщина – знает Бог, а не люди. Людям она весела, шутит, и горя ей нет! – говорят. Все смеются от ее рассказов, а не дайте этой рассказчице только денек местечка, куда она могла забежать поплакать да помолиться о свободе – о, Боже мой! И это не год, и не два, а тридцать лет! Были случаи, и теперь они есть, выйти из этого безвыходного положения, по-видимому – «не могу», – говорит она мне, – «душа не дает» [1, 59];

выражение глаз: «Глаза открылись раз, – и уже не было возможности закрыть их: это не игра в жмурки. Я беспощадно смотрела на все этим глубоким, испытывающим взглядом тоски, будто надежды и неудержимого презрения, жалости» [1, 98];

передача внутреннего состояния человека, наблюдающего за поведением других людей: «Начальница была для нас каким-то грозным невидимым, недостижимым божеством» [1, 20]. «Управляющий человек с редкими для жизни способностями: чрезвычайно ловкий, находчивый, обязательно такой же умный: умный человек не может быть плутом» [1, 42].

Повесть «Старина» носит автобиографический характер, основу ее сюжета составляют события, происходившие в семье Кохановских. Отсюда – своеобразие образа повествователя. «Я» автора и «Я» повествователя представляют единое целое в тех случаях, когда писательница включает в канву повествования исторические сведения о своих предках, воспоминания о своем детстве. Но образ автора-повествователя трансформируется в образ повествователя, когда в произведении воссоздаются картины «былого», отражается дух екатерининской эпохи, раскрываются романтические характеры героинь и героев.

Таким образом, образ повествователя играет важную роль в реализации авторской позиции. Его типологические особенности обусловлены проблематикой произведения, своеобразием его композиции и сюжетостроения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кохановская Н. С. Автобиография / Н. С. Кохановская // Русс. Обоз. – 1896. № 6–19. – 200 с.
2. Кохановская Н. С. Гайка / Н. С. Кохановская // Пантеон. – 1856. № 5 – 6. – С. 20–85.
3. Кохановская Н. С. После обеда в гостях / Н. С. Кохановская // Русс. вес. – 1858. – № 16. – С. 10 – 88.
4. Ломунов К. Н. Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830 – 1850 / К. Н. Ломунов. – М. : Наука, 1978. — С. 482–486.
5. Кулешов В. И. Кохановская и славянофильство. Славянофилы и русская литература / В. И. Кулешов. – М. : Худ. лит., — 1976. — С. 57–78.
6. Кожин В. В. Н. С. Соханская (Кохановская). Автобиография (фрагменты). Предисловие / В. В. Кожин // Слово. — 1989. — № 1. — С. 289–290.
7. Горелов П. Н. Соханская (Кохановская). Автобиография. (Фрагменты). Предисловие / П. Н. Горелов // Слово. – № 1. — 1989. — С. 302–305.

Аннотация

Латунова Н. В. «Образ повествователя в повестях Н. С. Кохановской».

В статье прослеживается идейно-эстетическая функция образа повествователя в повестях Кохановской, предпринята попытка выявить его типологию.

В повестях писательницы мы выделяем следующие типы рассказчика: повествователь – непосредственный участник событий; повествователь-созерцатель; автор-повествователь.

Образ повествователя играет важную роль в реализации авторской позиции. Его типологические особенности обусловлены проблематикой произведения, своеобразием его композиции и сюжетостроения.

Ключевые слова: образ повествователя, авторская позиция, типология характера.

Анотація

Латунова Н. В. «Образ оповідача в повістях Н. С. Кохановської».

У статті простежується ідейно-естетична функція образу оповідача в повістях Кохановської, зроблено спробу виявити його типологію.

У повістях письменниці ми виділяємо наступні типи оповідача: оповідач – безпосередній учасник подій; оповідач-споглядач; автор-оповідач.

Образ оповідача грає важливу роль в реалізації авторської позиції. Його типологічні особливості обумовлені проблематикою твори, своєрідністю його композиції і сюжетостроєння.

Ключові слова: образ оповідача, авторська позиція, типологія характеру.

Summary

Latunova N. V. "The image of the author in N. Kochanowski's novels.

The article traces the ideologically-aesthetic function of the image of the narrator in the stories Kochanowski, attempted to identify its typology.

In stories of the writer, we distinguish the following types of narrator:
the author– a direct participant in the events;
the author viewer and the author-narrator.

The image of the author plays an important role in the author's position. His typological features are due to the range of problems of work, originality its composition and the plot.

Key words: the image of the author, the author's position.